

Д. Лободанова

Стратегии развития старопромышленных городов

Судьба промышленных городов в современном мире складывается по-разному, но все они переживают кризис. В статье рассмотрены направления его преодоления в городах, где кризис приобрел наиболее острые формы. На конкретных примерах анализируются как принципы успешных стратегий, так и причины неудач. Автор делает вывод, что для российских городов, обладающих промышленным потенциалом, основным фактором успеха выступает как можно более раннее осознание кризисных тенденций и необходимости изменить подход к выработке стратегических приоритетов развития.

Ключевые слова: городское развитие, старопромышленные города, международный опыт, Рурская область, Манчестер.

JEL: N90, O38, R58, Z10.

Дискуссии о роли промышленности в экономике городов идут сегодня на фоне доминирования идей постиндустриализма — теории, развитой американским социологом Д. Беллом в середине XX в. и поддержанной многими экономистами и социологами (Белл, 2004). Основное внимание уделяется повышению значимости нематериальных активов — человеческого капитала и информации — в экономическом развитии, терциаризации¹ экономики, доминированию гибких форм занятости. Это, наряду с объективными процессами деиндустриализации в развитых странах, привело к тому, что промышленность перестали рассматривать как важную отрасль городской экономики. Образ «постиндустриального города» — глобализованного, наполненного молодыми креативными людьми, которые работают в офисах, а вечера проводят в кофейнях и барах, — стал чуть ли не единственным возможным идеалом современных городов. На практике, однако, многие города продолжают развиваться как центры промышленности. На уровне политической полемики о роли сектора услуг и высоких технологий в экономике наиболее распространенным аргументом в пользу промышленности становится тезис о том, что продукция предприятий реальной экономики всегда будет востребована, соответственно кто-то должен заниматься ее производством.

Подобная «бытовая» трактовка этой дилеммы нашла отражение в социально-экономических исследованиях, рассматривающих не одну, а несколько конкурентоспособных моделей развития современных городов. Так, М. Кастельс выделяет «*модель экономики услуг*», которая

Лободанова Дина Львовна (dina_1@inbox.ru), н. с. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва).

¹ Процесс повышения доли сектора услуг наряду со снижением доли промышленности в экономике.

присуща англосаксонским странам (США, Канада, Великобритания) и в целом совпадает с характеристиками постиндустриализма, и «*модель индустриального производства*», которая наиболее типична для Японии и Германии, где информационные технологии и человеческий капитал выступают факторами повышения производительности труда в промышленности (Кастельс, 2000). Иными словами, «заводы-гиганты уступают место небольшим фабрикам, где трудятся высококвалифицированные рабочие» (Трубина, 2010. С. 241). В действительности обе модели дополняют друг друга: невозможно развивать промышленность, основанную на использовании человеческого капитала, без создания привлекательных для работников условий, и, наоборот, многие деиндустриализованные города используют интеллектуальный капитал, доставшийся им в наследство от промышленного прошлого, в качестве актива для становления современной экономики.

В России тематику старопромышленных городов обсуждают в контексте либо очевидного кризиса небольших монопрофильных городов, либо ряда общеизвестных примеров успехов и неудач в преодолении зарубежными городами кризиса, вызванного их промышленным прошлым. В большинстве российских городов, обладающих промышленным потенциалом, не наблюдается заметных кризисных явлений. Однако такое положение дел связано скорее с высокими ценами на энергоносители, чем с реально устойчивой и конкурентоспособной экономической базой городов. Велик риск оказаться в плену иллюзии промышленного благополучия (пусть и шаткого), тем более если промышленность до сих пор является основой городской экономики с точки зрения как налоговых поступлений, так и занятости населения.

Цель данной работы — изучить реальные стратегии старопромышленных городов, ресурсы и проблемы развития с теоретической и практической точек зрения. В статье проанализировано, почему города «застревают» в промышленном прошлом, а также рассмотрены примеры стратегических направлений, использованных зарубежными городами для преодоления кризиса.

Причины урбанистического кризиса и барьеры на пути его преодоления

Многие города, выросшие вокруг заводов или сформировавшиеся за счет промышленных производств в индустриальную эпоху, сегодня сталкиваются с комплексом социально-экономических проблем, который принято называть кризисом городов, или урбанистическим кризисом. Наиболее яркими его признаками становятся активный отток населения и снижение занятости, в частности в промышленности. Города, для которых характерны эти процессы, называют «сжимающимися» (*shrinking cities*) (Oswalt, 2006).

Каковы же причины деградации экономики ранее столь успешных территорий? Традиционно экономический спад рассматривается как следствие сокращения спроса на продукт отрасли — в результате

снижения экспортного спроса (export base models)² или завершения жизненного цикла продукта³, что в условиях монопрофильной экономики вызывает серьезный кризис. Однако, как отмечал М. Штайнер, это не объясняет причину неспособности промышленности территории адаптироваться к изменяющимся внешним условиям (Steiner, 1985).

Эту проблему преодолевает «современный» подход, который Р. Бошма и Дж. Лэмбуй называют «сетевым» (Boschma, Lambooy, 1999). В рамках этого подхода исследуются социокультурные и институциональные механизмы, определяющие низкий уровень адаптационных способностей региона или города. Базовыми понятиями этого подхода становятся сети и кластеры.

Под *сетью* подразумевают набор определенных элементов и наличие взаимосвязи между ними. Такая трактовка легла в основу концепции кластеров. *Кластер* рассматривается как одна из форм сетевого взаимодействия, отличительной чертой которого выступает включение всех элементов сети в производственную цепочку — вертикальную или межсекторальную (cross-sectoral) сеть (ОЕСД, 1999. Р. 12). Критериями выделения кластера служат *неоднородность и взаимозависимость элементов производственной сети*. Приведем более подробное определение: кластеры — это локализованные сети специализированных организаций, производственные процессы которых сильно взаимосвязаны через обмен товарами, услугами и/или знаниями, причем неформальный обмен информацией и знаниями является одной из ключевых характеристик такой сети (Van den Berg et al., 2001. Р. 187). Кроме того, помимо агентов разных уровней производственной цепочки, кластер включает обслуживающие организации, а также органы власти, университеты, исследовательские институты.

Говоря о кластерах, большинство авторов подразумевают, что сформированная сеть способствует инновационному развитию (Gröcker et al., 2003; Fratesi, Senn, 2009; Van den Berg et al., 2001). Однако некоторые авторы причисляют промышленные комплексы старопромышленных территорий к кластерам, обращая внимание на их соответствие характеристикам последних: взаимодополняющая деятельность компаний и организаций, наличие образовательных и исследовательских институтов, а также существование неформальных институтов взаимодействия (Hassink, Shin, 2005; Todtling, Trippl, 2005). Этих авторов интересует, почему при формальной реализации кластерного подхода экономика некоторых территорий продолжает стагнировать.

Ф. Тодтлинг и М. Трипл выделяют следующие специфические характеристики старопромышленных кластеров (Todtling, Trippl, 2004):

² Региональное развитие зависит от экспортного спроса на региональный продукт. Соответственно сокращение этого спроса снижает потенциал развития региона.

³ В теории жизненного цикла, разработанной Р. Верноном, выделяют четыре стадии существования продукта: внедрение (инновационная стадия), рост, зрелость и упадок. «Старыми» становятся продукты, которые не смогли «выпасть» из цикла (иными словами, оказались не способны постоянно оставаться на инновационной стадии), в связи с чем они начинают постепенно проигрывать в конкуренции с инновационными продуктами, что приводит к снижению спроса на них.

— инновационная активность хотя и существует, но часто узко специализирована и ориентирована скорее на усовершенствование существующей технологии (процессная инновация), чем на создание качественно нового продукта (продуктовая инновация);

— развитые и специализированные системы генерации и распространения знаний (образование и научные исследования) нацелены на развитие традиционных сфер промышленности и сталкиваются с дефицитом современных специализаций;

— процесс передачи технологий ориентирован на крупные фирмы; малые и средние предприятия в нем практически не участвуют⁴.

Таким образом, кластеры старопромышленных территорий испытывают острую нехватку новых форм и направлений предпринимательской активности, внедрения инновационных технологических и управленческих решений и т. д. Фактически указанные авторы описывают особенности организации институтов старопромышленных территорий, а причины кризиса старопромышленных городов исследуются в рамках институциональной экономики, в частности теории «зависимости от предшествующего развития» (path dependency). «Предпринимательский образ мысли, стремление к инновациям и склонность к риску напрямую зависят от истории места, его культуры и традиций» (Simmie, 2001). Иными словами, в развитии какого-либо процесса «огромную роль играет „историческая случайность“, которая где-то в начале изучаемого процесса может определить всю последовательность дальнейших событий» (Олейник, 2005). В результате «наступает эффект блокировки (lock-in), то есть система замыкается на исторически определенных альтернативах актов выбора» (Вольчик, 2006).

Применительно к старопромышленным территориям эффект блокировки проявляется в том, что структура кластера становится настолько нацеленной на определенный вид экономической деятельности и привычные способы ее осуществления, что иной путь развития в случае масштабного изменения спроса становится невозможным (Boschma, Lambooy, 1999. P. 393), поскольку издержки изменения траектории развития (издержки трансформации) превышают выгоды от возможных альтернатив (в краткосрочном периоде). Анализируя причины стагнации металлургической отрасли австрийской земли Штирия, Тодтлинг и Трипл описывают ситуацию, когда для участников отрасли характерно наличие «слишком тесной сети». Авторы называют это ловушкой интеграции (integration trap) (Todtling, Tripl, 2004. P. 1187).

Дж. Грабер (Grabher, 2005), наиболее известный исследователь институциональных причин упадка старопромышленных территорий, выделяет три взаимосвязанных компонента эффекта блокировки:

— *функциональная блокировка* описывает тесные связи между предприятиями отрасли, опирающиеся в том числе и на устойчивые личные связи, что приводит к недостаточному взаимодействию фирм

⁴ В некоторых исследованиях (OECD, 1999) отмечено, что если процессные инновации, увеличивая производительность, приводят к снижению занятости, то продуктовые, также повышая производительность, выступают источником новых рабочих мест.

с внешним миром, к информационной ограниченности, отсутствию гибкости и слабой способности к инновациям (вертикальная и горизонтальная интегрированность);

– *когнитивная блокировка* подразумевает высокий уровень сплоченности агентов, общие консервативные установки, нормы и системы ценностей, которые «консервируют» подходы к выбору вариантов развития, создают консенсус относительно статус-кво (ее можно назвать социокультурным компонентом);

– *политическая блокировка* означает наличие тесного взаимодействия политических и экономических акторов (в том числе профсоюзов), «нацеленного на сохранение традиционной промышленной структуры и, следовательно, ослабляющего реструктуризацию промышленности и косвенным образом сдерживающего развитие местного потенциала» (Hassink, Shin, 2005). На политическом уровне приоритет отдается высокой статусной позиции и сохранению власти в ущерб экономическому развитию, что тормозит структурные преобразования.

Приведем некоторые примеры проявления эффекта блокировки на старопромышленных территориях:

– крупные фирмы-олигополии не заинтересованы в выходе на рынок новых фирм, боясь конкуренции, в частности за квалифицированную рабочую силу;

– узкая специализация фирм (в том числе малых предприятий) не создает конкурентных стимулов, а, наоборот, ставит их в жесткую зависимость от благополучия друг друга (функциональная блокировка, порождающая иерархичность);

– фирмы стремятся сохранить свои «границы», что препятствует кооперации с другими фирмами, а значит, снижает вероятность обмена знаниями и создания нового продукта;

– университеты ведут подготовку специалистов, необходимых лишь для данного кластера, что ограничивает потенциал диверсификации экономической активности;

– сильные профсоюзы не позволяют увольнять избыточную рабочую силу (политическая блокировка), социальная защищенность и отсутствие конкуренции лишают людей стимулов повышать квалификацию и производительность, а также создавать новые знания;

– при наличии лишь нескольких крупных компаний возрастает вероятность установления тесных личных связей их руководителей с властями, что может привести к росту влияния первых на процесс принятия политических решений.

Но в реальности многие из этих признаков могут маскироваться или даже искренне не осознаваться на политическом уровне. Чем менее выражен кризис в представленной на территории отрасли (или отраслях) промышленности, тем менее очевидны эти признаки для основных акторов, принимающих решения. Так, на уровне политических лозунгов к числу приоритетов всегда относят необходимость диверсифицировать экономику, развивать сферу услуг и поддерживать малое предпринимательство, но в действительности принимают решения, направленные на сохранение поддержки неэффективных форм промышленного производства и связанных с ними институтов.

Инициативы, способствующие формированию постиндустриальных трендов городского развития, встречают мощное сопротивление городских элит, а часто и местных жителей, поскольку противоречат устоявшимся на данной территории нормам и ценностям, а также краткосрочным финансовым интересам.

На практике старопромышленные города использовали различные стратегии преодоления кризиса, вплоть до полного вывода промышленности с территории, во многом исходя из условий, в которых проходила трансформация. Принятие стратегического решения о роли промышленности в будущем развитии города — один из ключевых этапов выхода из кризисной ситуации. Остановимся на некоторых стратегиях развития старопромышленных городов за рубежом. В частности, на примере Рурской области в Германии мы рассмотрим стратегию диверсификации экономики за счет новых высокотехнологичных отраслей, а также стратегию формирования креативных индустрий на базе промышленных зон. Основной стратегией американского Бирмингема стало развитие сервисной экономики, в частности здравоохранения и образования. Манчестер оказался одним из первых и наиболее ярких примеров развития индустрии культуры, спорта и развлечений.

Примеры стратегий

Рурская область: стратегия превращения недостатков в достоинства

Пример возрождения Рурской области — некогда центра угольной и сталелитейной промышленности всей Европы — считается классическим и хорошо исследованным. Процесс осознания кризиса и необходимости реструктуризации экономики был долгим и болезненным. Если первые признаки кризиса промышленности возникли уже в 1950-е годы, то успех Эмшер парка — символа новой экономики городов Рурской области — стал объектом восхищения специалистов в сфере городского развития лишь в 1990-е. Тем не менее имидж Рурской области как индустриального и экологически неблагополучного региона еще сохраняется.

С п р а в к а

Рурская область (Ruhrgebiet) входит в состав земли Северный Рейн—Вестфалия. Это один из крупнейших промышленных регионов мира. Область относится к числу наиболее урбанизированных и индустриализированных зон Европы. Ее территория занимает 4,4 тыс. кв. км (1,3% территории страны), а население в 2008 г. составляло 5,2 млн человек (6,3%). Рурская область не является отдельной административной единицей. Исторически она соответствовала территории, подведомственной межмуниципальной организации «Союз поселений Рурского угольного района» (Siedlungsverband Ruhrkohlbekirk, SVR), созданной в 1920 г. как объединение общин и районов в долине реки Рур. Наиболее известные города, располагающиеся на территории Рурской области, — Дортмунд, Эссен, Дуйсбург, Бохум.

Процесс восстановления Рурской области — это история трудного, долгого пути «проб и ошибок» и согласования краткосрочных и долгосрочных интересов всех заинтересованных акторов. В целом исследователи сходятся во мнении, что сложившаяся в Рурской области ситуация — классический пример описанного выше эффекта блокировки: традиционные отрасли были сконцентрированы преимущественно на процессных инновациях, повышающих производительность, но не создающих кардинально новый продукт (Broß, Walter, 2000; Hassink, 1993; Grabher, 1993; Eckart et al., 2003). Одновременно в области практически не наблюдалось предпринимательской инновационной активности — все малые и средние предприятия были узкоспециализированными и полностью зависели от крупных региональных заказчиков (в первую очередь предприятий металлургической и сталелитейной промышленности) (Broß, Walter, 2000). Местные промышленники противились развитию образования, а также привлечению новых фирм и новых индустрий, которые стали бы конкурентами на рынке ресурсов — как трудовых, так и бюджетных. Например, Г. Крупп отреагировал на основание первого университета в Рурской области следующими словами: «Нам в Рурской области нужны мускулы, а не мозги» (Hospers, 2004. P. 120).

Местные и земельные власти, сильно зависевшие от налоговых поступлений крупных предприятий, не противодействовали такой политике. Более того, на местах продолжали субсидировать образовательные программы для рабочих угольной и сталелитейной промышленности. Эта система смогла пережить кризис смежной угольной отрасли, однако после закрытия в 1970-е годы в результате энергетического и металлургического кризисов многих градообразующих предприятий стало окончательно ясно, что сохранять прежний курс невозможно. Таким образом, эффект блокировки в течение длительного времени препятствовал осознанию кризисной ситуации, и лишь очевидный коллапс экономики повлиял на изменение политического курса.

Начиная с 1970-х годов численность населения городов Рурской области стала сокращаться (табл. 1). В это же время показатели занятости в промышленном секторе начали резко снижаться, но и сегодня промышленность создает около $\frac{1}{3}$ рабочих мест. Доля занятых в сфере услуг в период с 1961 по 2000 г. выросла с 36,3 до 65,4% (рис. 1).

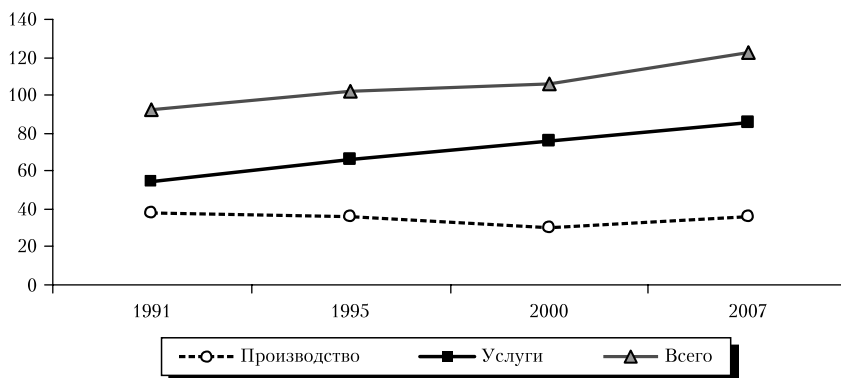
Т а б л и ц а 1

**Численность населения Рурской области в целом
и г. Дортмунда в 1961—2008 гг.**

Год	Численность населения	
	Рурская область, млн человек	Дортмунд, тыс. человек
1961	5,67	646,7
1970	5,66	647,2
1987	5,27	584,1
1990	5,40	599,1
1995	5,44	598,8
2000	5,36	588,9
2008	5,20	584,4

Источник: Региональный союз Рура.

**Динамика занятости в промышленности
и сфере услуг в Рурской области в 1961—2000 гг. (в %)**

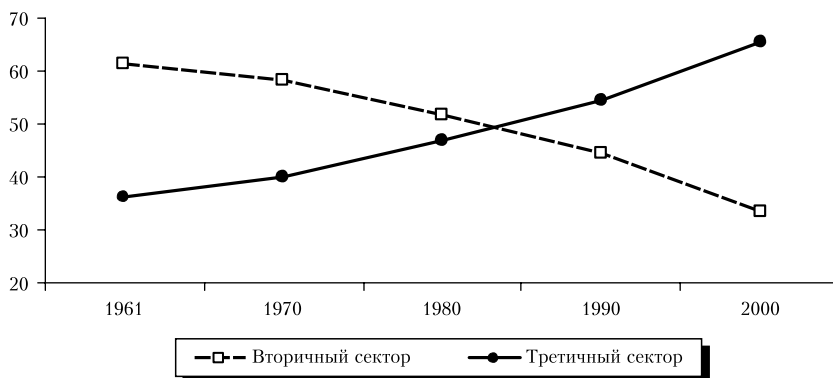
Источник: Hospers, 2004. Р. 117.

Рис. 1

Вместе с тем анализировать агрегированные показатели вторичного сектора в Рурской области следует с важной оговоркой: в последнее время значительную его часть занимают высокотехнологичные производства — энергоснабжение, использующее передовые технологии, гелиотехника, медицинские и экологические технологии (Hospers, 2004. Р. 117). Возможно, именно этим объясняется некоторый рост валовой добавленной стоимости промышленности в Рурской области начиная с 2000 г. (рис. 2).

Как видно из приведенных данных, в последние годы Рурская область демонстрирует позитивную динамику развития. На протяжении второй половины XX в. было выбрано множество удачных и неудачных направлений выхода области из кризисной ситуации. Среди удачных отметим основанные на принципе превращения недостатков территории в достоинства.

**Динамика валовой добавленной стоимости в промышленности
и сфере услуг в Рурской области в 1991—2007 гг. (млн евро)**

Источник: Региональный союз Рура.

Рис. 2

Эмшер парк считается эталонным примером ревитализации значительной промышленной территории и использования заброшенных промышленных объектов для развития креативных индустрий, экономики развлечений и впечатлений⁵. Территория в долине реки Эмшер была наиболее густонаселенной и индустриализованной частью Рурской области. Именно здесь впоследствии возникли острые экономические, социальные и экологические проблемы. В основе создания Эмшер парка лежала идея ревитализации территории через многочисленные проекты различной направленности и масштаба, а их инициаторами и исполнителями становились коммерческие компании, некоммерческие организации, а также простые жители региона, самостоятельно привлекавшие необходимые ресурсы. Государственное участие заключалось преимущественно в осуществлении координационной функции — в 1989 г. была учреждена открытая публичная компания с ограниченной ответственностью IBA GmbH, принадлежавшая земле Северный Рейн—Вестфалия.

В результате на территории 800 кв. км с населением около 2,5 млн человек было реализовывало более 100 проектов. Если первые были нацелены преимущественно на экологическое обновление территории и реконструкцию жилых кварталов, то через некоторое время акцент был смещен с экологического возрождения на культурную трансформацию. Особую значимость приобрели многочисленные проекты, посвященные «окультуриванию» неработающих промышленных объектов, использованию их как площадок для выставок, концертов, проведения различных фестивалей, а также превращению их в объекты культурного наследия.

Уже в 2000-е годы одним из основных стратегических направлений развития области стали мероприятия по изменению имиджа Рурской области как среди своих жителей, так и на международной арене. Развитие креативных индустрий на территории Эмшер парка стало одним из основных инструментов достижения этой цели. Помимо таких проектов, как «Индустриальные туристические тропы» и «Эссен как культурная столица Европы», в рамках этого направления в 2006 г. Региональный союз Рура разработал для области новое имя — «Метрополия Рур», чтобы по-новому позиционировать область на национальной и мировой арене⁶.

Развитие индустрии экологических технологий — еще одно направление использования принципа превращения недостатков в достоинства. Появление экологического кластера стало способом решения экологических и во многом имиджевых проблем территории, при этом одновременно возникла высокотехнологичная отрасль экономики.

В Германии федеральное законодательство в сфере защиты окружающей среды появилось в начале 1970-х годов и было основано на принципе «загрязнитель платит» (polluter pays principle)⁷. Оно коснулось в первую очередь предприятий Рурской области, считавшейся наиболее проблемной с точки зрения экологической ситуации. Крупные промышленные предприятия области (прежде всего металлургические компании) были вынуждены инвестировать в разработку экологических технологий. Спрос с их стороны обусловил появление соответствующих научно-исследовательских разработок. Более того, промышленные предприятия других отраслей тоже стали специализироваться на экологических технологиях. Например, предприятия химической промышленности переориентировались на переработку отходов. В 1980-е годы появились высокотехнологичные предприятия по разработке новых материалов, производству очистных сооружений, а также сбору, сортировке, переработке и утили-

⁵ Истории развития парка посвящено множество обзоров и исследований (см., например: Лэндри, 2006; Shaw, 2002; Schreckenbach, Teschner, 2006).

⁶ Региональный союз Рура. www.metropoleruhr.de/fileadmin/user_upload/metropoleruhr.de/Daten___Fakten/Regionalstatistik_PDF/Bevoelkerung/BevEnt_09_Tab.pdf.

⁷ Данный принцип подразумевает интернализацию негативных внешних эффектов через финансовое возмещение самим предприятием ущерба, нанесенного им окружающей среде.

лизации отходов. Это породило спрос на бизнес-услуги, разработку программного обеспечения, транспортные услуги (Rehfeld, 1995. P. 96).

Однако потребность в решении экологических проблем была лишь предпосылкой к созданию подобного кластера, и важнейшим этапом его формирования стало восприятие этой проблемы на политическом уровне как способа выхода на новые рынки, создания новых рабочих мест и в целом диверсификации экономики. В этом смысле созданию кластера экологических технологий в большой степени содействовала политика властей земли Северный Рейн–Вестфалия, которая выражалась как в прямых инвестициях (организация научно-исследовательских центров, софинансирование обучающих программ), так и в институциональных преобразованиях (законодательное регулирование). Кроме того, программы в отношении высокотехнологичных фирм, действовавшие на территории области (например, совершенствование процесса трансфера технологий), распространялись в том числе и на фирмы экологического кластера.

К концу 1980-х годов в Рурской области было сосредоточено более 20% объема производства отрасли экологических технологий всей страны. В земле Северный Рейн–Вестфалия в целом сформировалась полноценная система научных центров, объединенная в единую сеть трансфера технологий – 600 фирм с общим числом рабочих мест около 100 тыс. (Rehfeld, 1995. P. 94).

Как отмечает Д. Рейфелд, возникший кластер обладал следующими характеристиками (Rehfeld, 1995. P. 97):

- широкий спектр высокотехнологичных компаний, а также компаний сферы услуг;
- высокая доля научных исследований и разработок;
- необходимость взаимодействовать с потребителями в процессе разработки продукции;
- потребность в большом количестве специалистов разных областей для разработки одного продукта;
- преобладание малых и средних предприятий.

Эти характеристики кардинально отличаются от специфики традиционных отраслей и отражают основные принципы концепции гибкого производства.

Из-за необходимости решать проблемы, вызванные доминированием традиционных отраслей, сформировался кластер технологий, ориентированных на будущее. Поскольку именно здесь экологические проблемы были наиболее острыми, индустрия экологических технологий возникла раньше, чем на других территориях, что стало ее конкурентным преимуществом. Вскоре география продаж предприятий этой отрасли вышла за пределы региона.

Факторами успеха создания кластера стали:

- появление спроса на разработку новых технологий, их техническую реализацию;
- создание инфраструктуры для разработки и реализации этих технологий;
- пространственная близость источников спроса и предложения.

Среди направлений развития области в последние годы отметим важный феномен: сталелитейная промышленность не полностью ушла

из региона. Стремясь снизить производственные и административные издержки, в 2000 г. его крупнейшие металлургические предприятия — Тиссена и Круппа — объединились, образовав компанию «ТиссенКрупп АГ» (ThyssenKrupp AG), входящую в число крупнейших в мире производителей стали и оборудования для сталелитейной промышленности. Кроме того, она производит оборудование для автомобильной промышленности, эскалаторы, лифты и пр. Головной офис компании находится в Эссене, однако производства расположены в 670 точках 80 стран. Хотя концерн продолжает создавать рабочие места в Рурской области, наиболее крупные производства по численности занятых находятся в Сан-Паулу (Бразилия) и Довере (США)⁸.

Таким образом, преобразования в Рурской области были направлены не на полное освобождение от промышленности, а на использование ее потенциала для расширения спектра экономической деятельности в регионе и развития новых отраслей. Принципы организации экономики услуг и креативной экономики интегрированы в политику реструктуризации, однако рассматриваются как необходимое дополнение к промышленной специализации области. Главной стратегией развития стала диверсификация экономической активности на основе высокотехнологичного производства.

Бирмингем: развитие сервисной экономики⁹

В отличие от случая, рассмотренного выше, история преодоления кризиса в г. Бирмингем (США) малоизвестна и мало изучена: его роль в истории промышленности не была столь значительной, а опыт восстановления — столь ярким и радикальным. Тем не менее, будучи типичным старопромышленным городом, выросшим вокруг угольных шахт и металлургических заводов, Бирмингем столкнулся с классическими последствиями урбанистического кризиса, проблемами в ходе его преодоления и стратегическими развилками, возникающими при этом.

С п р а в к а

Бирмингем находится в штате Алабама, который относится к южным штатам, а также к так называемому «религиозному поясу» США. Свое название город получил в честь английского Бирмингема. Сегодня 23,9% населения Алабамы проживают в метрополитенском округе (metropolitan area) Бирмингем. По числу жителей округ находится на 48-м месте из 362 округов США. В 2011 г. численность населения округа составила 1,140 млн человек, средний возраст — 37,6 лет. Население самого города — 212,2 тыс. человек. С 2000 г. численность населения метрополитенского округа выросла на 6,8%, что, однако, ниже среднестранового показателя (9,4%), а города — сократилась на 13%. При этом, по данным U. S. Census Bureau, тенденция к уменьшению численности белого населения города сохраняется на протяжении последних 50 лет.

⁸ www.thyssenkrupp.com.

⁹ Описание данного кейса основано на материалах, собранных в ходе поездки автора в Бирмингем летом 2012 г.

В начале XX в. Бирмингем развивался очень динамично как центр угледобычи, сталелитейной промышленности и как железнодорожный узел. Помимо наличия и уникального сочетания природных ресурсов, конкурентным преимуществом города стало характерное для Юга США отсутствие профсоюзов и, как следствие, дешевая рабочая сила. Однако во второй половине XX в. в экономике города стали возникать кризисные явления: сокращение рабочих мест в металлургической и угольной промышленности, отток населения (табл. 2) и обусловленные ими социальные и экономические проблемы.

Т а б л и ц а 2

Динамика численности населения г. Бирмингема

	1900	1920	1940	1960	1980	2000	2010
Численность населения, тыс. человек	38,4	178,8	267,6	340,9	284,4	242,8	212,2
Изменение, %	–	366	50	27	–17	–15	–13

Источник: U.S. Census of Population and Housing, 1990: Population and Housing Unit Counts: United States. U.S. Census Bureau.

Одним из основных направлений диверсификации экономики Бирмингема стало здравоохранение, под которым понимаются не только медицинские услуги, но и образование в медицинской сфере, а также научные исследования. Крупнейшим работодателем в округе Бирмингем уже в течение нескольких десятилетий выступает Университет Алабамы в Бирмингеме (University of Alabama in Birmingham, UAB). Университет, который располагается в центре города, — автономная организация, частично финансируемая штатом Алабама. Сам UAB состоит из трех основных частей:

- кампус UAB, по сути, образовательный центр;
- медицинский институт UAB, то есть больница;
- Южный исследовательский институт — исследовательский центр.

Первые попытки развивать сферу здравоохранения были приняты руководителями расположенного в городе медицинского колледжа Алабамы, которые с середины 1940-х годов хотели создать в городе медицинский центр мирового класса и медицинский университет. Основным источником финансирования проекта покупки земли и строительства были федеральные средства, выделяемые в рамках различных программ, в том числе поддержки возрождения городов, жилищного строительства, а также финансирования строительства больниц и развития исследований в области медицины. Привлечению средств на развитие университета активно помогали два сенатора от штата. В 1966 г. был образован Университет Алабамы в Бирмингеме как подразделение Университетской системы Алабамы.

Отметим, что усилия по развитию сферы здравоохранения были скорее инициативой отдельных влиятельных людей, чем элементом стратегии диверсификации экономики города. До наступления явных признаков кризиса в 1960–1970-е годы промышленность считалась основой настоящего и будущего развития города. В целом власти стали

воспринимать сферу здравоохранения как стратегически значимую отрасль лишь в последние десятилетия.

Согласно исследованию экономической роли UAB, проведенному в 2008–2009 гг. (*The Economic Impact of UAB, 2010*), университет создает 24,4 тыс. рабочих мест непосредственно¹⁰, а также 36,6 тыс. косвенным образом (за счет эффекта мультипликатора). Для сравнения: следующая в рейтинге основных работодателей компания — *Regions Financial Corporation* — создает лишь 6 тыс. рабочих мест. Согласно исследованию, ежегодно UAB генерирует 4,6 млрд долл. доходов. Расходы UAB в пределах штата в 2008–2009 финансовом году составили 2 млрд долл. Госпиталь UAB — крупнейший центр здравоохранения на территории штата Алабама, однако на национальный рынок он пока почти не выходит: по данным сотрудников госпиталя, доля пациентов из других штатов составляет около 4%.

Сегодня Бирмингем — это привлекательный город с точки зрения трудоустройства в медицинской сфере. UAB предлагает рабочие места как для узких специалистов-медиков, так и для исследователей в сфере медицины. То, что университет объединяет образовательную, исследовательскую и практическую деятельность, выступает ключевым преимуществом UAB, поскольку позволяет специалистам разных направлений теснее сотрудничать, применять исследовательские наработки на практике, более оперативно решать возникшие в процессе лечения проблемы.

В то же время город и регион в целом отличаются узостью спектра образовательных программ, а рынок труда в сферах, не связанных с медициной, существенно ограничен. Так, в рамках исследования «План Бирмингема — основы для конкурентоспособности» некоторые участники фокус-групп отметили недостаточное разнообразие магистерских и докторских программ, позволяющих продолжить обучение, в связи с чем некоторые собирались переехать в другие места (*Birmingham Business Alliance, 2010*). Респонденты сошлись во мнении, что Бирмингем — отличное место для изучения и практического освоения медицины, однако у студентов, не относящихся к медицинскому профилю, меньше возможностей для профессионального роста.

Сегодня перед городом стоит задача диверсифицировать экономику, в частности, акцент делается на развитии биотехнологий и сферы IT. Также рассматриваются варианты расширения образовательного профиля университета.

Отметим негативный имидж, основанный на промышленном прошлом Бирмингема: город ассоциируется с недостаточно развитой культурной жизнью, высоким уровнем преступности и сложной экологической обстановкой. В отличие от Рурской области, которая сделала решение экологических проблем частью стратегии преодоления кризиса, Бирмингем длительное время не акцентировал внимание на этих вопросах. Лишь недавно они стали предметом политической дискуссии.

В последние годы предпринимаются попытки развивать «культурные индустрии». На территории бывшей промзоны, где располагались доменные печи, открыт музей, куда привозят туристов. Кроме того, он

¹⁰ По данным Объединения бизнесменов Бирмингема, число занятых в UAB составляет 21,5 тыс. человек (*Metropolitan Birmingham: presentation by Birmingham Business Alliance, 2012*).

используется как площадка для проведения различных торжеств: от банкетов и дискотек до свадеб. Однако «живым» это место назвать сложно. Точкой притяжения молодежи творческих сфер оно также не стало¹¹.

Манчестер: развитие креативных индустрий

Манчестер стал колыбелью креативных индустрий — направления развития, о котором говорят все современные исследователи городских стратегий. Клубная и музыкальная столица Европы, Madchester (игра слов: mad в переводе с англ. сумасшедший) — таков был имидж «выстрелившего» в 1990-е годы нового Манчестера. Несмотря на отсутствие гарантий успеха столь зыбкой, нематериальной и неизведанной составляющей экономики и существенные риски, связанные с имиджем «сумасшедшего» города, в условиях очевидного кризиса городской экономики и невозможности дальше двигаться по традиционному пути подобный выбор стал восприниматься как шанс. Сегодня Манчестер — яркий и развивающийся город — привлекает жителей, инвесторов и туристов насыщенной и динамичной культурной жизнью на фоне декоративно-индустриального городского ландшафта.

В начале XX в. Манчестер был одним из крупнейших промышленных центров мира, но в результате коллапса британской текстильной промышленности он пережил глубокий урбанистический кризис: в период между двумя мировыми войнами занятость в текстильной индустрии города сократилась вдвое. В то же время начался отток населения из Манчестера: с максимальной отметки 766,3 тыс. человек в 1931 г. численность его населения уменьшилась до 662 тыс. в 1961 г.,

С п р а в к а

Манчестер с населением более 450 тыс. человек находится в центре конурбации* с населением 2,6 млн человек на северо-западе Англии. Центральный город — Манчестер — окружен несколькими городами, которые в начале XX в. образовали конурбацию. В начале XXI в. конурбация Большого Манчестера стала третьей по величине в Британии после Большого Лондона и Уэст-Мидлендс (вокруг Бирмингема). Сегодня она состоит из центральной части — это «внутренний» Манчестер и Сэлфорд — и внешнего пояса более мелких городов.

¹¹ В 2012 г. автор посетил Бирмингем и Питтсбург. Питтсбург — бывший металлургический город, который считается классическим примером успешного преодоления кризиса городского развития. Основываясь на личных наблюдениях, можно утверждать, что атмосфера городов различается, несмотря на сопоставимую численность населения (в Питтсбурге живет чуть более 300 тыс. человек, в Бирмингеме — чуть более 200 тыс.). В Питтсбурге большое разнообразие мигрантских кафе, а пестрый состав прохожих напоминает скорее толпу крупного, чем периферийного, американского города. Питтсбургские улицы в любое время суток многолюдны, а центр Бирмингема вымирает в рабочее время и поздним вечером. Интересно, что, по словам американки, приехавшей в Питтсбург несколько лет назад, атмосфера города за это время существенно изменилась: появились уличный драйв и ощущение «живости». Она даже не исключила свой переезд в Питтсбург. Но Бирмингем показался ей «обычным провинциальным американским городом».

* Конурбация — группа близко расположенных и тесно связанных между собой самостоятельных городов, образующих единство благодаря интенсивным экономическим и культурно-бытовым связям, общим крупным инженерным сооружениям (транспорт, водоснабжение) и др.

Динамика численности населения г. Манчестера

	1901	1931	1961	1991	2001	2011
Численность населения, тыс. человек	544	766	662	405	423	503
Изменение, %	–	41	–14	–39	4	19

Источник: The Office for National Statistics. www.statistics.gov.uk.

и в последующие 30 лет эта тенденция сохранялась (табл. 3). Однако в последние десятилетия наметилась обратная тенденция. Так, в период между переписями 2001 и 2011 гг. население города увеличилось на 19% и, согласно прогнозам, к 2035 г. оно составит 607 тыс. человек¹².

В результате деиндустриализации больше пострадал сам Манчестер, чем конурбация в целом. В период с 1971 по 1997 г. Манчестер потерял 90 тыс. рабочих мест (26%), а Большой Манчестер – 135,3 тыс. (12%). Большая часть сокращенных рабочих мест приходилась на текстильную промышленность, машиностроение и сопутствующий коммерческий сектор, другие промышленные отрасли. Как видно из данных таблицы 4, с 1981 по 1997 г. занятость в производственном секторе Манчестера сократилась на 39 тыс. рабочих мест (–62%), Большого Манчестера – на 144 тыс. (–42%). Рост занятости в сфере услуг отчасти компенсировал спад в промышленности: так, в сфере услуг Большого Манчестера было создано 100 тыс. новых рабочих мест (+131%), в самом Манчестере – 25 тыс. (+65%). Сфера услуг была преимущественно представлена образованием и здравоохранением.

По данным за 2011 г., в промышленности Манчестера занято лишь 4% работников, а лидируют по количеству занятых сферы здравоохранения и социальной работы (13%), оптовая и розничная торговля (12%), научные и технические специальности (11%), образование (10%). Доля занятых в сфере искусств, развлечений и отдыха составляет 2%¹³.

Отметим, что исторически сложившаяся в Манчестере развитая сфера высшего образования отчасти облегчила трансформацию города: знаменитые университеты Манчестера были основаны в начале и середине XIX в., и научный и образовательный потенциал поддерживался на протяжении всего их существования. Сегодня

Динамика занятости в промышленности и сфере услуг Манчестера в 1981–1997 гг.

	Манчестер		Большой Манчестер	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Промышленность	–39	–62	–144	–42
Услуги	25	65	100	131

Источник: Oswalt, 2006.

¹² State of the City Report 2011. www.manchester.gov.uk/manchesterpartnership/downloads/download/5/state_of_the_city_report_2011.

¹³ Manchester Economic Factsheet. February 2012. www.manchester.gov.uk/downloads/download/422/corporate_research_and_intelligence_population_publications_economy.

университеты города образуют самый большой университетский кампус в Западной Европе. Так, в 2012 г. в Манчестерском университете¹⁴ обучалось почти 40 тыс. студентов. Городской университет Манчестера (Manchester Metropolitan University) тоже пользуется огромной популярностью — здесь учатся более 30 тыс. студентов.

Сегодня Манчестер считается наиболее успешным из всех «сжимающихся» городов Великобритании. В политике его возрождения можно выделить три наиболее крупных блока мер. Во-первых, были реализованы масштабные проекты реконструкции наиболее депрессивных городских территорий, которые финансировались из средств центрального правительства. Во-вторых, для достижения амбициозной цели — выхода на международную арену — городские власти стремились создавать имидж территории, где развиваются креативные индустрии. В-третьих, транспортная инфраструктура города была существенно модернизирована¹⁵.

Транспортные проекты и проекты реконструкции депрессивных территорий стали неотъемлемым элементом стратегий городского возрождения и в то время были частью политики восстановления городов по всей Британии, в которой роль местных властей была незначительной. В отличие от этого направления, использование имиджа города как инструмента социально-экономического развития зависело от местных властей в значительно большей мере. В итоге именно развитие креативных индустрий и работа по укреплению международного имиджа оказались ключевыми элементами создания конкурентных преимуществ возрожденного Манчестера.

В 1980-е годы Северный квартал (Northern Quarter), расположенный в центре Манчестера, стал ареной музыкальных выступлений. Деиндустриализация и миграция населения привели к опустению района, появлению заброшенных домов и промышленных площадок. Однако вскоре представители музыкальной культуры начали использовать пустующие помещения как клубы, звукозаписывающие студии, репетиционные базы. К наиболее значимым можно отнести центральную студию звукозаписывающего лейбла «Фэктори» (Factory), клуб «Хасиенда» (Nacienda) и бар «Драй» (Dry). Так, клуб «Хасиенда», открытый в 1982 г. в здании бывшего склада и располагавшийся в заброшенном районе, постепенно превратился в один из самых знаменитых клубов Европы. Вскоре вокруг него образовалось множество более мелких клубов, баров, а также звукозаписывающих студий, где работали местные музыканты. Район вновь стал заселяться — сначала самими музыкантами, затем любителями клубной музыки (clubbers).

В результате в конце 1980-х годов Манчестер прославился огромным числом звукозаписывающих компаний и студий, расположенных непосредственно в центре города. Это быстро дало следующие результаты:

— создание новых рабочих мест (не только в музыкальной сфере, но и в области дизайна, звукозаписи, моды, розничной торговли, развлечений и питания);

¹⁴ Манчестерский университет образован в 2004 г. путем слияния Манчестерского университета Виктории (Victoria University of Manchester) и Научно-технологического института Манчестерского университета (University of Manchester Institute of Science and Technology).

¹⁵ Подробнее о процессах городского восстановления см. в: Tye, Williams, 1994; Williams, 1996; Dicken, 2002; Giordano, Twomey, 2002; Robson, 2002.

– увеличение количества студентов, желающих учиться в Манчестере;

– привлечение инвестиций как непосредственно на территорию квартала, так и в город в целом. Благодаря новому имиджу Манчестер попал в поле зрения инвесторов, не относящихся к музыкальной сцене.

Отметим, что городская администрация не принимала участия в становлении музыкальной индустрии Манчестера¹⁶. Лишь после ее формирования городские власти стали поддерживать имидж клубного, музыкального города и использовать его в различных кампаниях по продвижению территории (например, при составлении заявок на Олимпийские игры и Игры Содружества наций). Как выразился представитель Городского совета Манчестера, «Хасиенда» для города имеет такое же значение, как статуя Давида для Флоренции (Brown et al., 2004. P. 100).

В 1990-е годы бóльшая часть населения центральной части города состояла из молодых людей, было много студентов и бездетных пар. Кроме того, как отмечает А. Кидд, значительную долю составляли представители сексуальных меньшинств, которые еще в 1980-е годы стали заселять квартал, позднее получивший название „Деревня геев“ (Gay Village) (Kidd, 2004). Городские власти, почувствовав потенциал развития района, поддержали местные инициативы и развитие бизнеса в этом квартале (например, открытие баров). Сегодня Манчестер, конкурируя с Амстердамом, считается одним из самых привлекательных мест для туризма представителей сексуальных меньшинств в Европе.

Помимо музыкальной сцены, Манчестер был уже известен в спортивных кругах благодаря футбольной команде «Манчестер Юнайтед». В результате при выборе вариантов позиционирования города были использованы эти преимущества: возрождение Манчестера опиралось на несколько крупных проектов, сфокусированных на развитии культуры, индустрии развлечений и спорта.

Стимулом к формированию механизмов взаимодействия и одновременно инструментом работы над имиджем города стала подготовка заявки на проведение Олимпийских игр 1996 и 2000 гг. Несмотря на то что город не получил это право, в процессе подготовки были разработаны новые механизмы государственно-частного партнерства, удалось существенно обновить инфраструктуру территории. Самое важное: произошла активизация всего городского сообщества, была осознана необходимость работать над имиджем территории, что способствовало реализации множества проектов в сфере культуры, спорта и развлечений. В 2002 г. в Манчестере состоялись Игры Содружества, к чему приурочили открытие стадиона в ранее непрестижном районе Восточного Манчестера. Кроме того, были реализованы некоторые транспортные проекты, улучшена туристическая инфраструктура. Это событие считается ключевым для политики местных властей, направленной на ребрендинг города и позиционирование его как современного центра спорта и развлечений. Сегодня креативные индустрии служат для Манчестера не только брендом, но и значимой отраслью занятости населения.

¹⁶ В то же время в Великобритании существуют примеры развития креативных индустрий по инициативе городской администрации. Наиболее яркий пример – г. Шеффилд (Sheffield).

Начиная с 1999 г. население города стало расти. Индикатором успеха также становится его признание в различных рейтингах. Так, в 2002 г. Манчестер был назван вторым городом Соединенного Королевства (критериями выступают площадь, численность населения, экономические показатели, политическая значимость, уровень развития культуры). В то же время некоторые проблемы города до сих пор не решены, социальная поляризация в нем даже усиливается. Наряду с современными развитыми районами сохраняются территории с заброшенными зданиями и бедным населением.

В целом к факторам успеха политики ребрендинга Манчестера можно отнести:

— поддержку властями реально сформировавшихся на территории индустрий (отметим, что стратегия и имидж клубной столицы подразумевают определенные социальные издержки и отсутствие приверженности «традиционным ценностям»);

— осознание необходимости конкуренции города не в национальном, а в мировом масштабе, что привело к работе над его международным имиджем и открытию города миру (это автоматически означает принятие иных культур, норм поведения и ценностей, а не только проведение масштабных международных событий);

— использование проектов «конкуренции городов» для вовлечения местных жителей в формирование повестки и реализацию проектов, направленных на преобразование и развитие территории, совместной выработки решений (когда цель проекта — не только и не столько формальный выигрыш, сколько консолидация местного сообщества вокруг решения общественно значимой задачи).

Заключение: уроки для России

Необходимо признать, что роль промышленности в современной экономике и особенно экономике городов изменилась. Последствия этих изменений не всегда выражаются в непосредственном наступлении урбанистического кризиса, но они актуальны для всех городов, прошлое и настоящее которых связано с промышленностью. Во многих российских городах наблюдается отток образованной и амбициозной молодежи, связывающей свои карьерные перспективы с отраслями постиндустриальной экономики и не находящей себе места не только в городской экономике, но и в сложившейся социальной среде. Осознанию этого препятствует специфическая ситуация, складывающаяся на старопромышленных территориях: люди, принимающие решения, и основная масса населения не заинтересованы в реальных изменениях, стратегическом выборе и начале преобразований. Эффект блокировки — явление скорее типичное для старопромышленных городов, и его наличие следует учитывать при выдвигании аргументов консервативного толка в ходе политических дискуссий.

Важно, что сущность стратегии развития старопромышленного города не сводится к выбору новой программы модернизации производственных мощностей. Непременное условие успеха — осознание, что старопромышленный город отличается от современного иным подходом

к принятию управленческих решений, взаимодействию с жителями, а также с другими городами во всем мире, решению хозяйственных задач и поиску новых экономических ниш — все названные аспекты необходимо учитывать при выработке управленческих решений. Это принципиально иная идеология.

Старопромышленные города во всем мире сталкивались с кризисом и необходимостью выбора дальнейшего пути развития. Решали они эту задачу по-разному. Основной развилкой становится трактовка роли промышленности: будут сохранены имеющиеся и созданы новые высокотехнологичные виды промышленного производства или город начнет развиваться в соответствии с постиндустриальными трендами, становясь центром экономики услуг, креативных индустрий и информационных технологий. Такое решение редко принимают быстро, однако опыт американского Бирмингема показывает, что длительное сохранение иллюзии промышленного превосходства негативно сказывается на перспективах городского развития.

Отметим, однако, и общие черты изученных стратегий.

Во-первых, все рассмотренные нами территории активно работали над своим имиджем. Причем в случае Манчестера и Рурской области позиционирование изначально проводилось не на национальном, а на международном уровне, акцент был сделан на ярких и масштабных международных событиях и проектах, в частности в сфере культуры и спорта. Бирмингем в настоящее время считает работу над своим имиджем одной из приоритетных задач развития.

Во-вторых, города не отказываются полностью от своего промышленного прошлого. Власти Манчестера постарались внешне сохранить атмосферу заводского города в отдельных районах, создавая таким образом некий образ города-музея. Более радикальное использование наследия промышленного прошлого можно увидеть в стратегии превращения недостатков в достоинства, ярким примером чего может служить развитие экологического кластера в Рурском регионе. Кроме того, в промышленной политике акцент переносится с увеличения масштабов производства на повышение доли интеллектуальной составляющей.

В-третьих, неотъемлемым элементом любой стратегии становится реализация транспортных, жилищных и экологических проектов, направленных на повышение качества жизни в городе.

Однако каждая территория должна искать собственный путь, поскольку повторить успешную стратегию невозможно. Если опыт освоения промышленных зданий в Эмшер парке получил мировое признание, то в Бирмингеме все свелось к устройству свадеб и вечеринок на заброшенных территориях заводов. Стратегия развития креативных индустрий, как в Манчестере, сегодня наиболее широко тиражируется, однако нужно понимать, что эти процессы занимают длительное время и управлять ими с помощью дирижистских мер крайне сложно. Кроме того, для реализации такой стратегии необходимо преодолеть ряд ценностно-идеологических барьеров, разделяющих приверженность традиционным ценностям и открытость новым идеям. Только тогда можно говорить о ее практическом осуществлении. И это тоже выбор, к которому готовы далеко не все российские города.

Список литературы

- Белл Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество. Москва: Академия. [Bell D. (2004). *The Coming of Post-industrial Society*. Moscow: Academia.]
- Вольчик В. В. (2006). Роль групп специальных интересов в эволюции российского института власти-собственности. Интернет-конференция «Россия: варианты институционального развития». 25.10–15.12. www.ecsocman.edu.ru/db/msg/296982.html. [Volchik V. V. (2006). The Role of Groups of Special Interests in Evolution of Russian Institution Power-Ownership. Internet-conference “Russia: Options of Institutional Development” 25.10–15.12.]
- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. [Castells M. (2000). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Moscow: HSE Publ.]
- Лэндри Ч. (2006). Креативный город / Пер. с англ. М.: Классика-XXI. [Landry Ch. (2006). *The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators*. Moscow: Klassika XXI.]
- Олейник А. (ред.) (2005). Институциональная экономика: Учебник / Под общ. ред. А. Олейника. М.: ИНФРА-М. [Oleinik A. (ed.) (2005). *Institutional Economy*. Moscow: INFRA-M.]
- Трубина Е. Г. (2010). Город в теории: опыты осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение. [Trubina E. (2010). *City in Theory: The Essays on Rethinking Space*. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie.]
- Birmingham Business Alliance* (2010). *Blueprint Birmingham: Competitive Realities*. January.
- Boschma R., Lambooy J. (1999). The Prospects of an Adjustment Policy Based on Collective Learning in Old Industrial Regions // *GeoJournal*. Vol. 49, No 4. P. 391–399.
- Bröcker J., Dohse D., Soltwedel R. (eds.) (2003). *Innovation Clusters and Interregional Competition*. Berlin; Heidelberg: Springer.
- Broß U., Walter G. (2000). Socio-economic Analysis of North-Rhine-Westphalia // Joint research project INCO-COPERNICUS. No R2/2000.
- Brown A., O'Connor J., Cohen S. (2004). Local Music Policies within a Global Music Industry: Cultural Quarters in Manchester and Sheffield // Manchester/Liverpool. Working Papers of the project “Shrinking Cities”. No 2 / P. Oswalt (ed.). Berlin.
- Dicken P. (2002). Global Manchester: From Globaliser to Globalised // *City of Revolution: Restructuring Manchester* / J. Peck, K. Ward (eds.). Manchester: Manchester University Press.
- Eckart K. et al. (2003). Social, Economic and Cultural Aspects in the Dynamic Changing Process of Old Industrial Regions: Ruhr District (Germany), Upper Silesia (Poland), Ostrava Region (Czech Republic). Münster: Lit Verlag.
- Fratesi U., Senn L. (eds.) (2009). *Growth and Innovation of Competitive Regions: The Role of Internal and External Factors*. Berlin; Heidelberg: Springer.
- Giordano B., Twomey L. (2002). Economic Transitions: Restructuring Local Labour Markets // *City of Revolution: Restructuring Manchester* / J. Peck, K. Ward (eds.). Manchester: Manchester University Press.
- Grabher G. (1993). The Weakness of Strong Ties: The Lock-in of Regional Development in the Ruhr Area // *The Embedded Firm: On the Socio-economics of Industrial Networks* / G. Graber (ed.). London: Routledge.
- Grabher G. (2005). Switching Ties, Recombining Teams: Avoiding Lock-in through Project Organization? // *Rethinking Regional Innovation and Change Path Dependency or Regional Breakthrough?* / G. Fues, P. Shapira (eds.). N. Y.: Springer.
- Hassink R. (1993). Regional Innovation Policy Compared // *Urban Studies*. Vol. 30, No 6. P. 1009–1024.
- Hassink R., Shin D. (2005). The Restructuring of Old Industrial Areas in Europe and Asia // *Environment and Planning*. Vol. 37, No 4. P. 571–580.

- Hospers G. J.* (2004). The Ruhrgebiet: An Intermediate Industrial Region // Regional Economic Change in Europe: A Neo-Schumpeterian Vision. Münster: Lit Verlag. P. 112–128.
- Kidd A.* (2004). Manchester in Prospect // Manchester/Liverpool. Working Papers of the project “Shrinking Cities”. No 2 / P. Oswalt (ed.). Berlin.
- OECD* (1999). Boosting Innovation: The Cluster Approach. Paris.
- Oswalt Ph.* (ed.) (2006). Atlas of Shrinking Cities. Ostfildern: Hatje Cantz.
- Rehfeld D.* (1995). Disintegration and Reintegration of Production Clusters in the Ruhr Area // The Rise of the Rustbelt. London: UCL Press.
- Robson B.* (2002). Mancunian Way: Policies of Regeneration // City of Revolution: Restructuring Manchester / J. Peck, K. Ward (eds.). Manchester: Manchester University Press.
- Schreckenbach C., Teschner C.* (2006). IBA Emscher Park – a Beacon Approach, Dealing with Shrinking Cities in Germany. Kent: Kent State University.
- Shaw R.* (2002). The International Building Exhibition (IBA) Emscher Park, Germany: A Model for Sustainable Restructuring? // European Planning Studies. Vol. 10, No 1. P. 77–97.
- Simmie J.* (ed.) (2001). Innovative Cities. London: Spon Press.
- Steiner M.* (1985). Old Industrial Areas: A Theoretical Approach // Urban Studies. Vol. 22, No 5. P. 387–398.
- The Economic Impact of UAB* (2010). Current and Projected Economic, Employment, and Government Revenue Impacts: Final Executive Report. November 9.
- Todtling F., Trippel M.* (2004). Like Phoenix from the Ashes? The Renewal of Clusters in Old Industrial Areas // Urban Studies. Vol. 41, No 5/6. P. 1175–1195.
- Todtling F., Trippel M.* (2005). One Size Fits All? Towards a Differentiated Policy Approach with Respect to Regional Innovation Systems / German Institute of Economic Research (DIW Berlin) // Research Policy. Vol. 34, No 8. P. 1203–1219.
- Tye R., Williams G.* (1994). Urban Regeneration and Central-Local Government Relations: The Case of East Manchester // Progress in Planning. Vol. 42, No 1. P. 1–97.
- Van den Berg L., Braun E., van Winden W.* (2001). Growth Clusters in European Cities: An Integral Approach // Urban Studies. Vol. 38, No 1. P. 185–205.
- Williams G.* (1996). City Profile: Manchester // Cities. Vol. 13, No 3. P. 203–212.

Development Strategies of Old Industrial Cities

Dina Lobodanova

Author affiliation: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). Email: dina_l@inbox.ru.

The situation in old industrial cities all over the world is very different. Nevertheless, each city goes through a crisis. The article deals with the strategies of the cities that weathered the most severe crisis. Case-study approach helps to analyze both the principles of successful strategies and the reasons of failure. The author makes a conclusion that the main factor of successful development of Russian old industrial cities is the recognition of crisis tendencies and the need to change approaches of strategic decision making at an early stage.

Keywords: urban development, old industrial cities, international experience, Ruhr area, Manchester.

JEL: N90, O38, R58, Z10.